

*Логика может привести Вас от
пункта А к пункту Б, а воображе-
ние — куда угодно.*

Альберт Эйнштейн

Я шагала по коридору учебного корпуса своего факультета, пробираясь сквозь лес студентов, и просто рычала от злости. Очень свирепо и зло! Про себя, конечно, рычала, потому что ботаники, как я, не могут рычать вслух. У нормальных людей это вызывает смех. Почему, спросите вы? Да потому что «ботаник обыкновенный» не живет эмоциями, он живет пространственно-временными кодами, алгоритмами, графиками и функциями. Является существом усредненного рода, а, следовательно, и подобных эмоций выражать не может.

А-а! Р-р-р-р-р! Дайте мне тонну бумаги, я исполосую ее на клочки! Еще как может!

Но, кажется, я отвлеклась и, чтобы объяснить вам, почему я так рассердилась, нужно рассказать подробнее.

Так вот, все началось с моего научного доклада ученому совету университета (который я представила в числе лучших студентов физико-математического факультета), и на который преподаватели согнали весь курс. И не моя вина в том, что, в большинстве своем, этот курс зевал, болтал и даже не думал париться проблемой расширения Вселенной. Как только я поняла, что никто из сокурсников мою теорию о пространственно-временных коридорах слушать не собирается, а на рассуждения

о квантовой природе вещества и сверхзадачах человечества чихать хотел, я собралась, перестала заикаться и изложила ученым мужам мысль крупномасштабно и по существу. Немного увлеклась (рассуждая о возможном перемещении человека на расстояние в миллион парсеков), часа на полтора, но это же неважно! Когда разговор заходит о квантовой физике, время перестает исчисляться минутами! Уж вы-то меня понимаете!

Нет, доклад получился отменным. Я стояла с пунцовыми от счастья щеками и вспотевшим лбом, стирала с ладоней следы мела, преподаватели рукоплескали, и даже сам профессор Белоконев встал со стула и сказал веское: «Ай, молодец, Уфимцева! Эйнштейн ты наш! Вот она, будущая гордость страны!» А декан Крокотуха важно ткнул пальцем в студентов «Учитесь, бандерлоги!» и стряхнул с моих плеч меловую пыль.

В общем, я довольно выдохнула, покраснела, и отдала себя ученому совету на расспросы, пока студенты покидали лекционный зал. А когда разошлись, и себе выскользнула. Пошла, окрыленная одобрением старейшин факультета, учебными коридорами в туалет. Закрывшись в кабинке, сняла с плеч рюкзак, расстегнула джинсы... и не прошло минуты, как услышала за дверцей девичий смех и свою фамилию.

Что? Улыбка все еще не сходила с лица. Неужели наконец-то обо мне заговорили?! В груди важно зашевелилась гордость. Неужели мой доклад всем понравился?! Недаром мама с папой в меня так верили!

— ...Уфимцева то, Уфимцева это. Надоело! Тычут этой тощей пигалицей, как достопримечательностью, словно время красных знамен еще не прошло. Скоро деньги за просмотр станут брать! А на что там смотреть-то? Ни фигуры, ни лица, одни очки и те — черепашие счастье! О походе — вообще промолчу, это же крот-муравьед какой-

то! Могла бы, подземными ходами прошмыгнула, чтобы ее не заметили. Да она вообще о таком понятии, как «мода», слышала что-нибудь? Кто сейчас носит рубашки в клетку и джинсовые комбинезоны, как Дуня-гастарбайтер? И это при папочке-бизнесмене! Ему что, для дочери нормальной одежды жалко?

— А может, он потому и бизнесмен, что на дочурке-уникуме экономит! Подумаешь, за два года четыре курса универа окончила! Если ты в восемнадцать лет не знаешь, что такое депиляция и, ха-ха, петтинг, считай, что прожил жизнь зря!

За дверцей кабинки в два голоса ахнули.

— Лика, ты что думаешь она до сих пор того... нецелованная?

— Серьезно? Да ну! — подхватил второй женский голос. — Такого не бывает!

— Девочки, это с нормальными людьми не бывает, а с ботаншами-заучками — запросто! — из крана полилась вода, стукнула форточка, и потянуло сигаретным дымом. — Вы слышали, как она трещала сегодня? Я думала это никогда не закончится! Честное слово, даже голова разболелась! Квантовая физика — удавиться! Да кому она вообще интересна?

— Точно не мне!

Гордость в груди сжалась в комок, и душу больно оцарапали кошачьи лапы.

— Ну кто позарится на такой очкастый феномен с козой? Нашли Эйнштейна в юбке! Так и хотелось сказать Крокотухе: «Глаза разуй!» Мышь серая, обыкновенная, которой в личной жизни ничего не светит, вот что я вам скажу!

— Вот-вот! Меня потому и взбесил Белоконев со своим: «Катенька, гениально!» Будь она хоть трижды самой умной, ни один нормальный парень на такую

страшила даже не взглянет! У нее же вместо чувств — одни формулы!

— А вместо форм — геометрическая плоскость!

За дверцей снова звонко засмеялись.

— Уфимцеву целовать, все равно что зевать от скуки. Только представьте себе: он ей о сексе, а она ему об элементарных частицах и темных материях. Ах-ха-ха! Хотела бы я посмотреть на эту картину!

— Ее и не слушал никто, все ждали, когда это занудство закончится. Доклад, вы серьезно?! Я видела, как Сашка Гайтаев лизался на галерке с Крыгиной, а к Воробышку заливали девчонки с экономического. Уверена, поставь Белоконев свою Катеньку на кафедре в купальнике, парни все равно эту мелкую выскочку и не заметили бы!

Что?

Наверно, я бы так и стояла в кабинке остолбеневшая, раздавленная весом услышанных слов, если бы в рюкзаке не зазвонил телефон. Снова и снова, и очень настойчиво.

Девчонки всполошились. Застучали каблучками по кафелю к окну, пряча сигареты под подоконник.

— Эй, кто там? Эй! — и такой же дружной гурьбой пробежали обратно.

Я отступила от дверцы и прижала рюкзак к груди, чувствуя, как пылают щеки. Но уже не от гордости, нет. Сейчас они горели от стыда и обиды, и больно щипало в глазах.

Вот, значит, как. Очкастый феномен. Могла бы и сама догадаться, а не ждать обидных слов. Слишком опрометчиво с моей стороны было дать согласие на публичный доклад перед всем курсом. Меня не слушали, и к этому я была готова, а вот к тому, что успеют рассмотреть — нет.

И зачем я только решилась!

Разочаровываться всегда больно, терять гордость — вдвойне больнее, а быть объектом насмешек — несправедливо. Да, возможно, я не была Эйнштейном или красоткой, но я старалась и для них тоже, надеясь летом выиграть для университета грант на мюнхенской олимпиаде физиков. А это десять учебных мест в лучших ВУЗах Германии, Британии и Канады. Так неужели им и в самом деле важно то, как я выгляжу, а не то, какие логические цепи генерирует мой мозг? Неужели, будь я в купальнике, мои рассуждения о квантовом поле и стреле времени были бы услышаны?

Жаль, что нельзя провалиться сквозь землю, это бы в значительной мере облегчило мне жизнь.

Телефон вновь отозвался входящим звонком, и я вздрогнула.

— Эй там, в кабинке? Ты выйдешь или нет?

Открыв дверцу, я сжала рот и поправила очки. Сейчас главное — собраться и не раскваситься на их глазах. Нацепив на плечи рюкзак, я потупилась в пол и прошла мимо компании к умывальнику. Включив воду, заплескалась неловко под опешившими взглядами, прожигающими во мне дыры.

Интересно, если я не стану смотреть в их сторону, кошачьи лапы перестанут так больно царапать грудь?

— Да, это я. Мышь серая, обыкновенная. И чего уставились?

Девчонки молчали. Недолго. Я даже руки как следует высушить не успела.

— Упс, Уфимцева... Эй, Уфимцева, ты что, нас специально подслушивала, что ли?

Вот видите, все-таки есть плюс в том, чтобы быть умным. У некоторых индивидуумов, при внешнем наличии форм, в голове — ни одной приличной извилины! Все так плоско и ровно, что даже простейшей логи-

ческой цепочки не построить. На глупый вопрос и отвечать не стала.

— А я все равно не откажусь от своих слов. Ботанша, она и есть ботанша! — отозвалась одна — самая высокая. — Правда, девочки? Почему нам за правду должно быть стыдно?

А им стыдно? Серьезно? Ха, насмешили!

— Так ты целовалась с кем-нибудь, Уфимцева? Не говоря уже о большем? Разреши наш спор. Помогла тебе твоя хваленая наука завоевать хоть одного парня? Что-то мы не заметили, чтобы сегодня хоть один воодушевился. Хотя ты, бедняжка, наверняка та-ак старалась! А, может, ты и не влюблялась никогда?

— Ну конечно, откуда ей знать, что такое петтинг! Сейчас она скажет, что любовь — для слабаков. Ах-ха-ха!

Дышать стало трудно. Неприятно это признавать, но насмешки попали в цель. Нет, не влюблялась никогда.

Одно дело, когда смеются за спиной и другое, когда в лицо. Все-таки права мама: пусть я и заучка, и внешне тихоня, но характером — точно в папу. Мне никогда не пройти мимо вызова. Желание доказывать и побеждать у меня в крови. Мне просто некогда обращать внимание на такие глупости, как внешняя красота. Я привыкла видеть красоту в природе атома и элементарных частиц. А чувства... Подождут чувства!

— Поможет.

— Что? Ты что-то сказала?!

Кажется, да.

Я повернулась и подняла голову. Убрала косу с плеча, поправила очки. Память на лица у меня всегда была хорошей, поэтому я сразу определила с какого потока девочки. Определенно, физиков среди них не было. Зато была «Мисс университет» и, судя по стильной одежде — ее свита. Все трое, наверняка королевы студенческих

вечеринок и мечта парней. У таких уж точно проблем с поцелуями нет.

— Я сказала, что наука поможет, — постаралась не заикаться. — И собираюсь это доказать!

Кажется, я смогла удивить не только себя, потому что девчонки недоверчиво переглянулись.

— Интересно как?

— Два месяца и любой парень из университета сам, по своему желанию, поцелует меня на ваших глазах, — сказала твердо.

— Просто так?

— Нет, не просто. Как свою д-девушку, — ну вот, голос все-таки дрогнул. Я хоть сама-то в это верю?

— Любой? — «Мисс университет» хищно улыбнулась. — Тебя? Скучную ботаншу?

Подруги снова удивленно переглянулись.

— Девочка, а не слишком ли ты смелая для вызова?

— Да ладно тебе, Снежанка! — одернула высокая «Мисс университет». — Какая разница, если в итоге именно мы ее и проучим!

Еще посмотрим, кто кого проучит!

— Да, любой. Просто назовите имя. Но у меня есть условие, — нашла нужным сказать. — Никто о нашем споре не должен знать до окончания срока. И, если выиграю я, то...

— Что? Что ты хочешь, если выиграешь?

— То вам придется сдать доклады по квантовой физике Белоконеву с Крокотухой. Всем троим и перед всем курсом.

— Чего?! — девчонки возмутились. — Ты шутишь? Совсем спятила, заучка?!

— Ни капельки. А вы? Что, трусили?

Уступать не хотелось. Ни за что не хотелось! Я стояла одна перед тремя расфуфыренными красотками

и понимала: уж если сейчас ввяжусь в спор, я должна победить!

Снежана с подругами рассмеялись.

— А если ты проиграешь? Ка-а-атенька!

Да, что будет, если я проиграю?

— Тогда... — я сжала пальцы в кулаки и, все-таки, произнесла это: — Тогда я уйду из университета. Совсем!

Сказала, а у самой колени подломились. А как же магистратура, аспирантура и докторантура?! Как же мое светлое будущее ученого и пространственно-временные коридоры?!

— Пожалуй, девочки, нам стоит согласиться! Мне нравится ее предложение! Так, что насчет парня, Уфимцева? Может быть, ты ждешь, что мы выберем для тебя прыщавого ботана?

Ох, что-то мне подсказывает, что именно так они и поступят. Вот будет весело, когда два ботана на глазах у всего университета припадут друг к другу в страстном поцелуе. Оборжаться!

Но ответила им:

— Мне все равно, я не собираюсь проигрывать.

Девчонки пошушукались и рассмеялись.

— Не бойся, Уфимцева, это было бы слишком просто. А ты ведь у нас девочка уникальная. Почти что гений! — вот только на довольных лицах легко читалось, что они на самом деле обо мне думают. — Тебе определенно нужен самый лучший парень!

И?

— Иван Воробышек, знаешь такого? Оцени, какие мы добрые! Вот и посмотрим, как твоя наука поможет его завоевать!

Знала ли я Ивана Воробышка? Конечно, да. Даже я знала. Первый красавчик университета и любимчик девочек. Бабник, каких поискать. Завидный парень во

всех отношениях. Если честно, почти недостижимая цель. Но имелось одно веское, железобетонное «но»: я совершенно не вписывалась в круг его симпатий. Абсолютно! Этот парень вряд ли вообще имел представление о том, что я существую!

Ой, кажется, Катя проиграет.

— Кто? — я побледнела. Клянусь, это было слишком жестоко. — Во-воробышек?

— Он самый! Что, ботанша? Передумала спорить?

Интересно, если я сейчас откажусь, они ведь забудут о нашем споре? Ну, о том, чем я тут хвасталась? Два месяца, поцелуй и все такое? В нашем возрасте у многих случаются моменты недопонимания. Не высмеют же они меня перед всем университетом? А вдруг я и правда погорячилась?

— Я...

— Еще как расскажем! — ну вот, так и знала, что у меня все на лице написано. — Уверены, всем будет интересно узнать, какая ты у нас самоуверенная секси, будущая гордость страны!

— Ну, не расстраивайся, Уфимцева, — погладила меня по плечу девчонка с розовыми прядями в длинных волосах. — Никто не обещал, что будет легко. Ты проиграешь,мышь, и мы больше никогда тебя не увидим. Таких выскочек, как ты, надо проучивать, понимаешь? Только так и выживают сильнейшие. Ничего личного, закон джунглей.

Вот же гримзы. Стоят, улыбаются. И как я только могла подумать, что погорячилась?!

— Нет, не понимаю! Что я вам сделала?

Сбросив с себя руку розоволосой, шагнула было к выходу, но меня остановили.

Крепкие пальцы «Мисс университет» впились в плечо и развернули к девушке — красивой, высокой брюнетке со стильной стрижкой «каре».